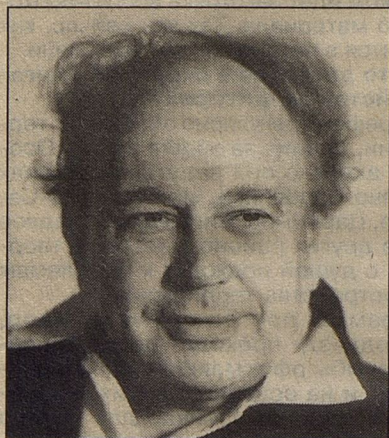

Он был режиссером-провидцем

У каждой эпохи есть имена, не вписывающиеся в ее временное течение. Осознание их значимости приходит много позднее: не они, а их догоняет время. При жизни они во многом казались странными, и только с годами открывается очевидность их провидческого дара. Такой фигурой в мире театра был режиссер Борис Иванович Равенских. Он был народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий, профессором, возглавлял на разных этапах своей творческой жизни Малый театр и Театр им. Пушкина. И все-таки, все-таки...

Борис Иванович Равенских остается режиссером недооцененным, недопонятым своим временем и почти не вспоминаемым после ухода из жизни. И тому есть объяснение. Его неохватный талант не укладывался в прокрустово ложе эпохи, доставшейся ему на творческие годы. Ученик Всеволода Мейерхольда, увезенный Мастером из Ленинградского театрального института в Москву, а после ареста Учителя вынужденный долгое время скрываться и скитаться, чтобы не отречься публично от имени Мейерхольда и не быть репрессированным вслед за ним, Борис Равенских только в тридцать шесть

лет осуществил в Театре сатиры постановку, сделавшую его сразу знаменитым и принесшую ему Государственную премию СССР. «Свадьба с приданым» по весьма незначительной пьесе Н. Дьякова впервые по-настоящему широко и полно явила самобытность таланта режиссера: способность поэтизировать, озарять изнутри ярким, чистым светом самую обыденную жизнь, укрупнять, романтизировать чувства героев, одушевлять природу. И при этом бережно относиться к авторскому тексту, постигать суть авторской мысли. Все, что задумывал, все, что делал Равенских, было шире, глубже, значительнее положенных рамок. Он наполнял свои постановки поразительными по эмоциональному накалу и точности мысли метафорами, символами невозможными, несовместимыми с канонами господствовавшего в ту пору в искусстве соцреализма. Он был неудобен своей нестандартностью, своими удивительными художественными озарениями. Городской человек, он поразительно чутко и остро ощущал природу. И она мощно врывается в его спектакли, наполняя их светом, красками, воздухом, солнцем, неохватностью земных просторов.

Со стороны многое казалось в нем странным, необъяснимым. Он вечно опаздывал на репетиции, мог неожиданно остановить актера в самый разгар работы, выдержать долгую паузу

и вдруг предложить технически сложную откровенно картинную мизансцену. Растеряя актер, да и сам режиссер, казалось бы, не очень уверен в необходимости предлагаемого. А в результате рождается потрясающей силы образ, возникший вовсе не по случайному капризу постановщика, а вынужденный, выстраданный им долгими бессонными ночами. Он и на репетиции опаздывал потому, что зачастую ложился только на рассвете. Мне довелось недолго работать с Борисом Ивановичем в Театре им. Пушкина. То были трудные, но очень счастливые дни, и могу свидетельствовать, как очевидец: каждая его репетиция была актом вдохновенного творчества, отбором из множества вариантов самого выразительного, самого точного, самого поэтичного решения каждой сцены, эпизода, даже одной произнесенной фразы.

При жизни Равенских никому не пришло в голову снять о нем фильм. Да это и не было принято в ту пору. Фильм явился только теперь, в год 90-летия режиссера и без малого по прошествии четверти века со дня его ухода из жизни. Документальный телефильм, снятый благодаря усилиям и энергии дочери Бориса Ивановича Шуры Равенских, актрисы Театра им. Вл. Маяковского, стал без преувеличения открытием даже для тех, кто достаточно хорошо и близко знал режиссера, явил тот внутренний мир художника, который всегда оставался его тайной, тщательно скрываемой от посторонних любопытных глаз. Скупые кадры документальной ленты открывают поистине мучительный процесс рождения образов в воображении режиссера. Эта мука написана на его лице, она в запинаящихся словах, которыми он пытается передать лишь ему одному зримую картину, она в тех бесконечных,

лихорадочным почерком заполненных листах на его письменном столе - свидетелях работы мысли в бессонные ночи.

Запечатленные операторской камерой фрагменты спектаклей Бориса Равенских свидетельствуют: все, что с момента падения советского строя, запретов, цензуры мы стали воспринимать как новации, уж было им выстрадано, выношено, явлено на сцене. За что, кстати сказать, ему не раз доставалось и справа, и слева - от руководящих «верхов» и от ревнителей традиционализма. Достаточно вспомнить его знаменитую «Драматическую песнь» по роману Николая Островского «Как закалялась сталь», давшую название и документальному фильму о режиссере, или «Поднятую целину» по М. Шолохову - спектакли в Театре им. Пушкина, уже не говоря о до сих пор - на протяжении тридцати одного года! - идущей в Малом театре трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», «Власти тьмы» Льва Толстого и пьесе И. Друцэ «Возвращение на круги своя» о последних днях жизни Л. Толстого тоже на сцене Малого.

Актерам работать с Равенских было нелегко. Зато сейчас они вспоминают о той поре как о самом счастливом времени своей жизни, важном и поучительном, давшем зарядку на все последующее творчество. Недавно прошедший вечер памяти Б. И. Равенских в Центральном Доме актера стал еще одним откровением: как много, оказывается, воспитал Учитель верных и благодарных учеников - актеров и режиссеров! Сегодня они сами воспитывают молодежь, опираясь на его уроки. Эстафетная палочка Бориса Равенских уже перешла в руки третьего поколения мастеров сцены.

Наталья БАЛАШОВА.

Равенских Борис Иванович
(р.е. Геор.)
1.07.04